

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИСКА I В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННЫХ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Митрофанов А.Ю.
(Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургская духовная академия)*

Болонский конкордат, заключенный Франциском I, королем Франции, и папой Львом X в декабре 1515 г. после блистательной победы французской армии при Мариньяно, открыл новую страницу в истории отношений Франции и Папства, галликанской церкви и Рима. Болонский конкордат призван был заменить Прагматическую санкцию, подписанную в 1438 г. в Бурже королем Карлом VII. Карл VII – король, «коронованный» Жанной д'Арк напрягал все силы королевства в борьбе с Англией, поэтому выступил против Папы, которого поддерживал Ланкастерский Дом. Спустя почти век Франциск I вступил в Италию как победитель. Он искал новые модели отношений с Папством. Где же Франциск черпал военные, политические, религиозные примеры для подражания? Как писали современники: Гийом и Мартен дю Белле, Блез де Монлюк, Пьер Брантом, Франциск был рыцарем до мозга костей. Король мечтал подражать подвигам славных рыцарей прошлого. Его настольной книгой была не Библия, а Тит Ливий и Фруассар. В собрании Bibliotheque Nationale de France хранится прекрасно оформленный список Хроник Жана Фруассара, изготовленный для Антуана, бастарда Бургундского. Поскольку Фруассар служил семье Эдуарда III, короля Англии, главным героем первой книги Хроник стал старший сын короля – Эдуард Вудсток. Его избрал Франциск в качестве примера для подражания.

Эдуард, старший сын Эдуарда III, короля Англии, и Филиппы Геннегау, родился 15 июня 1330 г. в замке Вудсток. Двор молодого короля переживал тогда блистательное время. Восемнадцатилетний король совсем недавно женился на ослепительной красавице – дочери графа Геннегау – вассала Священно-Римской Империи, двор которого был образцом для всего лотарингского рыцарства. Рождение первенца вдохновило короля, дало ему силы разделаться с хитрым фаворитом матери – Изабеллы Французской. Мортимер был отправлен в ссылку, а Изабелла вынуждена была уступить сыну реальную власть в королевстве. Младенческие годы маленького принца протекали мирно на фоне жестоких войн с Шотландией, который

вел его отец. Изнуряющие походы и конные рейды на шотландской границе, кровавые конфликты между английскими солдатами и рыцарями из Лотарингии, служившими в армии Эдуарда, коварные засады и яростные атаки шотландских горцев были в развивающемся сознании младенца далекой сказкой. Реки крови, разбитые фрагменты доспехов, стертая конская сбруя, поросшие щетиной лица солдат, – все эти образы так и остались для него бессмысленным фоном, отблеском заката на остывающем зеркале, блики которого периодически отражались на толстеньких щечках, но которые он был не в состоянии превратить в отчетливую мизансцену даже, если бы напряг все свои неразвившиеся интеллектуальные силы. Утром, чуть только восходило солнце, младенца кормили, пеленали, выносили на прогулку, затем опять пеленали и опять кормили вездесущие мамки, няньки, гувернантки, готовые предупредить любой каприз маленького принца. А он сидел на своем детском стульчике, держал в руках коробочку, ларец, в котором прежде хранились подвески его матушки. Открывал коробочку и сразу же закрывал. За этим занятием маленький принц проводил целые недели.

Самым сильным впечатлением отроческих лет Эдуарда был тот день, когда он впервые сел на коня. Вороной конь, храпящий и бьющий копытом, казался ему монстром, легендарным персонажем, сошедшим со страниц Часослова его матушки, обильно изрисованного яркими миниатюрами. И тем не менее, принц не испугался. Медленно привыкал он к коню. В начале принц ездил шагом по мягкому песку теплого Манежа, потом стал уже выезжать в поле, научился ездить рысью и переходить в галоп. Конь важно мотал головой и тряс своей черной как смоль гривой. Тогда принц дотрагивался своей детской рукой до влажного носа коня, гладил его по голове и кормил яблочными дольками. Десять лет существовал этот рай. Принц рос, окруженный заботой приставленного к нему в семь лет воспитателя – рыцаря Джона, который уже успел отличиться в боях с шотландцами, но ослабел от ран и теперь, будучи пожилым человеком, нес королевскую службу в качестве наставника, приставленного к королевскому сыну. Каждое утро Эдуард и Джон совершали прогулку верхом, затем упражнялись во владении мечем. Меч у принца был игрушечный, деревянный. Принц рос живым, но немного замкнутым ребенком. Нервная система Эдуарда была истерической и ронимой. Часто он убегал к маме в слезах от строго Джона, который при случае мог больно ударить принца палкой по руке, если тот пропускал резкий выпад учителя. Когда принцу исполнилось десять лет, родители покинули Англию. Король Эдуард отправлялся во Фландрию на войну, где его прибытия с затаенной надеждой ожидали жители фламанд-

ских городов, восставшие против тиранического правления своего графа и против своего давнего врага – короля Франции. Королева Филиппа следовала за мужем вместе со всем своим двором, с радостью предвкушая теплое возвращение в отцовский дом в Геннегау. Маленький Эдуард остался дома совсем один. Замок Вудсток, предоставленный прежде в его полное распоряжение, стал чересчур тесным для его новой многочисленной свиты. Десятилетний наследник был провозглашен регентом королевства на время отсутствия отца, и должен был отныне неотступно следовать распорядку дня, предложенному членами регентского совета. Принца перевезли в Лондон, где его утомляли ежедневными церемониальными шествиями и долгими церковными службами. Раз в месяц, в теплое время года, Эдуард отправлялся на охоту вместе с членами регентского совета и воспитателем-рыцарем Джоном в окрестные леса. Приехав в Лондон, мальчик с удивлением и ужасом для себя обнаружил, что не понимает ровным счетом ничего из того, что говорили местные обитатели. Да, в Вестминстерском замке, как и в Вудстоке, дамы и рыцари разговаривали на его родном языке – языке утонченном и изысканном, однако отличавшимся от того музыкального выговора, который он впервые услышал из уст мамы и бабушки. Впоследствии Джон рассказал ему, что на этом языке разговаривал его далекий предок – великий Вильгельм, завоевавший Англию по праву крови и папского благословения. На этом же языке разговаривали в старинных аббатствах, которые доводилось посещать ему. Однако простые горожане, жители Лондона, общались между собой на языке, абсолютно ему не ведомом. Слушая беседы служанок в Вестминстере, Эдуард ловил себя на том, что ровным счетом ничего не понимает.

Так и протекала неспешно новая жизнь до тех пор, пока еще через пять лет принца – заметно возмужавшего и замечавшего первые проблески бороды, не вызвал к себе король, который вернулся в Англию. Нареченный королевским оруженосцем, принц встретил своего отца, и только теперь он понял, что по-настоящему узнал его. Отец постарел и погрубел. В его бороде и длинных, спадающих на плечи волосах, стала пробиваться серебристая седина. Отца постоянно окружали суровые и грубоватые люди – рыцари королевского двора, вернувшиеся вместе с королем из Фландрии. На их обветренных загорелых лицах как будто застыла маска жесткой недоступности и тщательно скрытого ужаса перед прошлым. Принц регулярно видел их у отца за столом, во время охоты и на пышных турнирах, а они взирали на него с выражением почтительного снисхождения. На одном из турниров принц, еще не имевший права участвовать в поединках наравне

с рыцарями, испытанными в боях, подошел к скамье, на которой сидела матушка. Королева позвала сына твердым голосом и сказала:

– Эдуард, сын мой, хочу представить тебе доблестного рыцаря. Его имя Готье де Мани. Он служил твоей бабушке и твоему отцу.

Молча принц поднял глаза и увидел перед собой великана. Его золотистое сюрко с геральдическими узорами плотно прилегало к стальным доспехам, отдельные элементы которых, заметные в прорези сюрко, отбрасывали яркие блики солнечного отражения. Готье посмотрел на принца и почтительно склонил голову.

Подвиги Готье де Мони служили примером для Эдуарда спустя много лет. Спустя два столетия Франциск I желал подражать Эдуарду, его победам и его независимости по отношению к воинствующей Церкви, проявлявшейся во время переговоров с кардиналом Перигорским на поле возле Пуатье в 1356 г. или в период покровительства Джону Уиклифу. Однако трагедия Франциска заключалась в том, что он проявлял себя слишком независимо не только от папы, но и от старевшего императора Максимилиана. Итогом этого стали трагические события февраля 1525 г., когда при Павии Франциск повторил судьбу не Эдуарда Черного Принца, но Иоанна Доброго. Актуальность политики короля Франциска заключается по нашему мнению именно в том, что она недвусмысленно свидетельствует об опасности подражания литературным образам, диктующим стратегию монарха, особенно по отношению к Церкви.

ВЛИЯНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ МОНАШЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ НА МЕСТО РАСПОЛОЖЕНИЯ МОНАСТЫРЯ В V-XIII ВВ.

Буйленков И.О.

*(Минск, Белорусский государственный университет
культуры и искусств)*

Прежде всего следует пояснить, что в данной статье будет пониматься под обществом, так как в данной статье данная категория будет рассматриваться прежде всего в культурно-историческом аспекте, под обществом будет пониматься «совместное существование людей в коллективах